

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

ОЧЕРКИ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

ВАЙЕШЕВ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Как изменить мир

У Моше бен Маймона в «Законах раскаяния» есть фраза, представляющая собой одно из самых воодушевляющих утверждений во всей религиозной литературе. Разъяснив, что нас и весь мир судят в соответствии с тем, каких деяний на счету больше, он замечает: «Поэтому мы должны в течение всего года смотреть на себя так, словно у нас (и у всего мира) на счету равное число хороших и дурных поступков, а следовательно, следующий же наш поступок может изменить соотношение (хороших и дурных поступков) и в нашей жизни, и во всем мире»¹.

Мы в силах что-то изменить, причем потенциально в неограниченном масштабе. Эту установку мы должны давать себе всегда.

Однако она совсем не вяжется с теми представлениями о мире, которых мы придерживаемся почти всегда. Каждый из нас знает: «Я один-одинешенек, а остальных жителей планеты — семь миллиардов». Разве мы можем существенно изменить хоть что-нибудь? Мы лишь волна в океане, песчинка на берегу морском, пылинка посреди бесконечности. Разве мы можем одним-единственным поступком изменить ход собственной жизни, а уж тем паче судьбу человечества?

Наша недельная глава отвечает: «Да, можете».

История детей Яакова идет своим чередом, и напряженность между ними стремительно обостряется, грозя перерасти в насильственные действия. Любимый сын Яакова — Йосеф, одиннадцатый из двенадцати. Он родился у Яакова в старости, поясняет Тора. Еще важнее, что он первенец Рахели, любимой жены Яакова. Яаков «любил его больше», чем остальных сыновей, а те знали это и обижались. Любовь отца к Йосефу разжигала в них зависть. Сны Йосефа, пророчившие ему высокое положение, раздражали братьев. А когда они увидели разноцветную рубаху — подарок Яакова Йосефу, наглядное доказательство отцовской любви, — это зрелище разожгло в них негодование.

И вот представился благоприятный случай. Братья пасли стада вдалеке от дома и вдруг увидели, что к ним приближается Йосеф (Яаков послал его узнать, все ли у них благополучно). Зависть и негодование хлынули через край, и братья решились отомстить Йосефу, совершив насильственное преступление.

«— Вот он идет, этот сновидец! — сказали они друг другу. — Давайте же пойдем, убьем его, бросим в яму и скажем: “Хищный зверь сожрал его”. Посмотрим, сбудутся ли его сны!»

¹Законы раскаяния, 3:4. Так в английском переводе. Ср. с расширенной цитатой в русском переводе: «Поэтому каждый человек на протяжении всего года должен считать себя наполовину осужденным, а наполовину оправданным. И так же весь мир — наполовину оправданным, а наполовину осужденным. Каждым грехом склоняет человек свою чашу осуждения и чашу

всего мира и ведет к всеобщему разрушению. Каждым заповедным делом склоняет человек свою чашу оправдания и чашу всего мира и ведет к всеобщему спасению и избавлению». Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. С. 613. — *Примеч. перев.*

Лишь один брат не согласился с этим планом — Реувен. Он понимал, что задумано ужасное злодейство, и возразил против их плана. В этот момент Тора совершает нечто не-обычайное. Она выдвигает утверждение, которое в буквальном смысле не может быть правдивым, и мы это понимаем. В тексте сказано: «И услышал Реувен и спас его [Йосефа] от них»².

Мы знаем, что с учетом последующих событий это утверждение просто не может быть правдивым. Реувен, понимая, что он один, а остальных братьев много, идет на хит-рость. Он говорит: «Не будем его убивать! Бросьте его лучше живым в какую-нибудь яму и оставьте умирать. Тогда мы не будем непосредственно виновны в убийстве». Он намеревался позднее, когда братья куда-то уйдут, вернуться к яме и спасти Йосефа. Когда Тора сообщает: «И услышал Реувен и спас его от них», она апеллирует к принципу: «Б-г учитывает доброе намерение так, как если бы это было деяние»³. Реувен хотел спасти Йосефа и намеревался это сделать, но в реальности ему это не удалось. Реувен упустил момент, а когда взялся за выполнение замысла, было уже поздно. Вернувшись к яме, он обнаружил, что Йосефа там больше нет: братья продали его в рабство.

По этому поводу в одном мидраше сказано: «Если бы только Реувен знал, что Святой, благословен Он, напишет о нем: “И услышал Реувен и спас его от них”, то он взвалил бы Йосефа себе на спину и отнес обратно домой, к отцу»⁴. Что это значит?

Задумайтесь, что случилось бы, если бы Реувен немедленно предпринял что-то для спасения Йосефа.

Его не продали бы в рабство. Его не увели бы в Египет. Он не работал бы в доме Потифара. Жена Потифара не обратила бы на Йосефа внимание. Его не заключили бы по ложному обвинению в тюрьму. Ему не довелось бы истолковать сны виночерпия и пекаря, а спустя два года — сны фараона. Его не сделали бы наместником Египта. Он не пригласил бы своих родных поселиться в той стране...

Правда, много лет назад Б-г уже сказал Аврааму: «Знай, что твоим потомкам суждено стать переселенцами в чужой стране, где их поработят и будут угнетать четыреста лет» (Берешит, 15:13). Израильтяне при любом развитии событий оказались бы в рабстве. Но, по крайней мере, они

стали бы рабами не из-за разлада в своей семье. Можно было бы избежать целой главы в истории, повествующей о вине и позоре евреев.

Если бы только Реувен знал то, что теперь знаем мы. Если бы он только смог прочесть книгу. Но мы никогда не сможем прочесть книгу о долгосрочных последствиях наших поступков. Мы никогда не знаем, как сильно влияем на жизнь других людей.

Есть одна история, которую я нахожу очень трогательной. Это история о том, как в 1966 году афроамериканский мальчик одиннадцати лет и вся его семья переехали в Вашингтоне в район, где дотеле жили только белые⁵. Сидя вместе с братьями и сестрами на веранде дома, мальчик выжидал и наблюдал: как здесь с ними будут здороваться? Но с ними не здоровались. Прохожие оглядывались, чтобы рассмотреть их повнимательнее, но не было ни одной приветственной улыбки, ни хотя бы приветственного взгляда. Мальчику показалось, что в его жизни вот-вот станут реальностью все слышанные им ужасающие рассказы о том, как белые обходятся с черными. Спустя много лет, описывая в своей книге эти первые дни новоселья, он заметил: «Я понял, что здесь нам никто не рад. Я понял, что здесь нас невзлюбят. Я понял, что здесь у нас не будет друзей. Я понял, что нам не следовало сюда перебираться...»

Пока его обуревали все эти мысли, по другой стороне улицы шла белая женщина. Она обернулась к детям и, широко улыбнувшись, сказала: «Добро пожаловать!» Юркнула в свой дом, а спустя несколько минут появилась с подносом, уставленным стаканами и тарелками: там были прохладительные напитки и бутерброды с джемом и творожной пастой. Женщина перешла улицу, поставила поднос перед детьми, и те почувствовали себя непринужденно и спокойно. Это мгновение, как написал впоследствии, повзрослев, мальчик, изменило его жизнь. Помогло почувствовать себя своим на новом месте, хотя минутой раньше он ощущал себя изгоем. Во времена, когда межрасовые отношения в США оставались напряженными, это мгновение помогло ему понять, что в белом районе чернокожая семья может чувствовать себя спокойно, что возможны взаимоотношения, когда люди не замечают цвета кожи друг друга. С течением лет он узнал о соседке из дома напротив многое, достойное восхищения, но ключевым воспоминанием стал именно ее первый,

отнюдь не злой умысел; однако доброе намерение награждается, как доброе дело». — *Примеч. перев.*

⁴Танхума, Вайешев, 13.

⁵Stephen Carter. *Civility*. New York: Basic Books, 1999. P. 61–75.

²Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «Реувен, услышав это, решил спасти его». — *Примеч. перев.*

³Йосефа, Пеа, 1:4. — *Примеч. авт.* В русскоязычных источниках встречается и такой вариант цитаты: «Карается только деяние, но

спонтанный поступок — проявление радушия. Этот поступок разрушил стену между ними, сдружил тех, кто только что друг для друга был чужим.

Этот юноша, Стивен Картер, в конце концов стал профессором правоучения в Йеле и написал книгу о том, что он узнал в далекий памятный день. Свою книгу он назвал «Любезность». Женщину, сообщает автор, звали Сара Кестенбаум. Она умерла безвременно, еще молодой. Он добавляет: вовсе не случайно, что она была религиозной еврейкой: «В еврейской традиции такая любезность называется “хесед” — милость, милосердные поступки, а они, в свою очередь, вытекают из понимания того, что люди сотворены по образу Б-га».

«Любезность, — пишет он, — сама по себе может рассматриваться как часть хеседа: она действительно требует проявлять милость к нашим согражданам, в том числе к совершенно чужим людям, даже если это нелегко».

«До сих пор, — продолжает он, — я могу, закрыв глаза, почувствовать на языке сладость и шелковистую текстуру творожной пасты с джемом — вкус бутербродов, которых я наелся до отвала в тот летний день, когда мне открылось, что единственное проявление искренней, отнюдь не показной любезности может навсегда изменить твою жизнь».

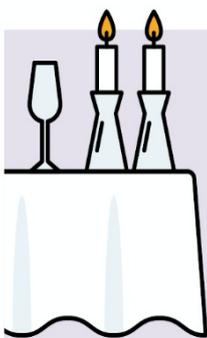
Жизнь одного-единственного человека, сказано в Мишне, подобна вселенной⁶. Измените жизнь одного человека, и вы начнете изменять вселенную.

Именно так нам удастся что-то изменить: мало-помалу, жизнь каждого человека по отдельности, день за днем, каким-то отдельным деянием... Мы никогда не знаем заранее, какой эффект возымеет один-единственный поступок. А иногда нам вообще не суждено это узнать.

Саре Кестенбаум, как и Реувену, не представился шанс прочесть книгу о долгосрочных последствиях одной минуты ее жизни. Но она не осталась в стороне, а совершила этот поступок. Не замешкалась в нерешительности.

Так должны действовать и мы, говорит Моше бен Маймон. Следующий же наш поступок может склонить чашу весов в сторону добра в чьей-то жизни, а заодно и в нашей собственной.

Мы не бессильны. Мы можем что-то изменить в мире. И когда мы это делаем, то становимся партнерами Б-га в деле искупления, чуть-чуть приближая нынешнее состояние мира к его надлежащему состоянию.

Around the Shabbat Table

1. Do you think we should be credited for our good intentions even when the desired result is not achieved?
2. Has a small act from a person in your life (or a stranger) ever changed your life in a significant way?
3. What act did you do this week that could potentially have changed someone's life in some way? What could you do next week?

● These questions come from this week's **Family Edition** to Rabbi Sacks' Covenant & Conversation. For an interactive, multi-generational study, check out the full edition at <https://www.rabbitsacks.org/covenant-conversation-family-edition/vayeshev/how-to-change-the-world/>.

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

f t i n | RABBISACKS.ORG

⁶Мишна, Сангедрин, 4:5 (первоначальный текст рукописи). — *Примеч. авт.* Ср. с русским переводом: «<...> всякий, кто уничтожает одну душу в (народе) Израиля <...> как бы уничтожает целый мир, а всякий, кто поддерживает одну душу в (народе) Израиля <...> как бы

поддерживает целый мир». Мишна. Незикин [Ущерб]. М.: Книжники; Лехаим, 2013. С. 339. — *Примеч. перев.*